УДК 821.161 doi:https://doi.org/10.34680/2411-7951.2019.2(20).19

Ю.Н.Сытина

ИКОНЫ В «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н.М.КАРАМЗИНА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В «Истории Государства Российского» Н.М.Карамзина иконы появляются в самых разных контекстах. Как показывает анализ, история Отечества у него неотделима от икон: они живут страдают, плачут и радуются вместе с народом. Проведенное исследование позволяет выявить аксиологические установки историографа, дает возможность говорить о первостепенной важности Православия в его мировоззрении.

Ключевые слова: Карамзин, экфрасис, икона, живопись, аксиология, святость, историософия

Экфрасис, его виды и значение, соотношение литературы с другими видами искусства неизменно привлекают внимание ученых. К теоретическому осмыслению термина «экфрасис», его вариаций в исторической перспективе, методологии изучения обращаются Б.А.Успенский [1], И.А.Есаулов [2, 3], В.В.Лепахин [4-6] Л.Геллер [7], Н.Е.Меднис [8] и другие. В.В.Лепахин отмечает, что «существуют разные взгляды на экфрасис, различные его определения, классификации и типологизации» [6, с. 7], рассматривает несколько позиций по этому вопросу и предлагает собственную классификацию, оговариваясь, что выделяемые типы экфрасиса «редко встречаются в чистом виде»: по большей части они «накладываются один на другой в пределах описания одного и того же визуального объекта и чаще всего разделять их на виды можно лишь условно» [6, с. 29].

Во многом благодаря работам В.В.Лепахина отдельным направлением исследования экфрасиса в произведениях русской литературы стало изучение упоминания и описания в ней икон. Анализ восприятия и передачи иконописной традиции светскими писателями позволяет выявить глубинные смыслы произведений, аксиологическую их насыщенность, не столь явную при ином подходе [2-11].

Перспективным такой подход представляется и при изучении «Истории Государства Российского» Н.М.Карамзина, если рассматривать этот монументальный труд как художественное произведение. В устной беседе на радио «Радонеж» [12] И.А.Есаулов с сожалением отмечает, что литературоведы редко обращаются к «Истории Государства Российского», тогда как она являет собой выдающийся памятник русской словесности, образец «благоуханной» лирической прозы. Как позднее на Пушкина чтение летописей в Святогорском монастыре, на Карамзина памятники древнерусской словесности также оказали сильное воздействие, что не преминуло отразиться и в поэтике «Истории…», и в самих установках историка. Карамзин «вносит в историю моральное измерение», подходя к описываемым событиям с христианской мерой [12]. Уже в предисловии он пишет не об абстрактно теоретической, но о прикладной, поучительной роли истории как «священной книги народов», «завете предков к потомству», и обозначает свою христианскую позицию, желая, чтобы «правила мудрого Самодержавия и Святой Веры более и более» [13, с. 37] укрепляли Россию. Здесь же он говорит об определяющей роли христианства для формирования русской государственности, и потому воссоздание нравов и обычаев предков немыслимо для него без учета их веры. Строительство храмов и появление икон вслед за летописцами мыслятся историографом важными вехами в истории России.

Иконы в «Истории Государства Российского» — тема обширная (в двенадцати томах более сорока их упоминаний). Её рассмотрение позволяет полнее раскрыть мировоззрение историографа. В связи с изучением икон в творчестве Пушкина, к этому вопросу обращался В.В.Лепахин [9], подробно анализируя важность икон при восшествии на престол Бориса Годунова. Цель настоящей статьи — дать общий обзор случаев упоминания икон в «Истории…» Карамзина, их роли в миропонимании и жизни русских людей — как на представлена историографом. В дальнейшем сделанные наблюдения могут быть расширены и проблематизированы в отдельных исследованиях.

Как такового описания икон у Карамзина нет (что по-своему характерно для русских писателей [3, 5], [11]), но часто появляются относящиеся к ним эпитеты — святые, златые, чудотворные, знаменитые славными воспоминаниями, победоносные, драгоценные, богатые. Не раз Карамзин упоминает золотые оклады икон, «осыпанные жемчугом», «драгоценными каменьями» (о символике окладов см.: [14, с. 42]). Наиболее часто появляются и «действуют» в «Истории…» иконы Богородицы (Богоматери, Марии, Пречистыя Девы Марии) — Владимирская, Смоленская, Донская, Вышегорская, Феодоровская. Также упоминаются иконы Спасителя, Страшного суда; Св. Александра, Св. мучеников Бориса и Глеба, митрополитов Петра и Алексия, новогородского архиепископа Иоанна, чудотворцев ростовских Леонтия, Игнатия, Исаии, Св. Николая; иконы с памятниками Страстей Господних, с каплями Христовой крови, с мощами Св. Царя Константина, Крест Животворящий.

Чаще всего упоминания об иконах у Карамзина встречаются в связи со строительством храмов, что каждый раз знаменует развитие государства, новые победы как оружия, так и просвещения. В первый раз икона упоминается по случаю «совершения каменного храма в Киеве, посвященного Богоматери и художеством

греков украшенного» [13, с. 150]. Для Карамзина важно подчеркнуть, что греческие образы были только в Десятинной церкви, в других же храмах, предполагает историограф, были иконы, писанные уже киевскими мастерами, научившимися у греческих, что говорит о развитии культуры Древней Руси.

В дальнейшем рост просвещения России в «Истории…» неизменно связан с иконописью. Так, повествуя о заслугах Андрея Боголюбского, Карамзин подчеркивает его усердие к строительству храмов во Владимире и Суздале, богатом их украшении иконами и живописью, что стало «предметом удивления для россиян и купцов иностранных» [13, с. 333]. Иконопись дополняется развитием живописи, что также говорит о культурном росте: «Размножение церквей умножало число иконописцев: долго писав только образа, мы начали писать и картины, именно в Феодорово Царствование, когда две палаты, *Большая Грановитая* (памятник Иоанна III) и *Золотая Грановитая* (сооруженная внуком его) украсились живописью» [15, с. 368; курсив Карамзина — *Ю.С.*]. Попутно следует подчеркнуть, что живописные изображения святых историограф уже не называет иконами. Такое разделение иконописи и живописи характерно для русской ментальности [3, 5, 11]. Если живопись — искусство светское, то иконопись — дело святое, и доступно оно только благочестивым людям. Высокие нравственные качества, бескорыстие и трудолюбие неизменно отличают иконописцев, упоминаемых в «Истории…»: монаха печерского Св. Алимпия, Симеона Черного, старца Прохора, городецкого жителя Даниила, монаха Андрея Рублева, Феофана Грека…

Иконопочитание (а не экономические или политические отношения, как это принято подчеркивать у большинства историков) становится важнейшим связующим звеном между Древней Русью и Византией. Нестор, и это отмечает Карамзин, в течение 17 лет начала XI века упоминает в летописи только о нескольких смертях людей, близких княжескому дому, и о том, что в «1007 году привезли иконы в Киевский храм Богоматери из Херсона или из Греции» [13, с. 153].

В дальнейшем еще не раз иконы будут служить значительным и ценным подарком. Так, патриарх Константинопольский Иеремия в дар царю Феодору привозит «икону с памятниками Страстей Господних, с каплями Христовой крови, с мощами Св. Царя Константина» [15, с. 297]. В Московии Иеремия и сопровождающие его святители дивятся богатству столичных храмов и Троице-Сергиевой Лавры. В этом эпизоде, как и в ряде других, иконы знаменуют славу и богатство русских городов.

Интересно, что иконопочитание выказывают не только православные, но и мусульмане. Так, персидский царь Аббас любуется иконами и даже дарит князю Андрею Звенигородскому образ Девы Марии, писанный на золоте в Персии с фряжской иконы [15, с. 334].

А вот когда русские проявляют неуважение к иконам, они перестают для Карамзина быть гражданами своего Отечества. О «грозном ополчении *одиннадцати* князей» на Киев в 1168 году он замечает: «Победители, к стыду своему, забыли, что они россияне: в течение трех дней грабили, не только жителей и домы, но и монастыри, церкви, богатый храм Софийский и Десятинный; похитили иконы драгоценные, ризы, книги, самые колокола» [13, с. 318]. Позднее, в 1398 году, неуважение иконе окажут воины Великого Новгорода, когда, покоряя Устюг, они сожгли в нем даже Соборную церковь, «и, взяв там славную чудотворную икону Богоматери, в насмешку именовали ее своею пленницею» [16, с. 88]. Нужно заметить, что вследствие такого падения нравов новгородцев необходимость победы над ними Иоанна III и централизации русских земель будут для монархиста-Карамзина еще убедительнее.

Иконы вместе с народом страдают от пожаров и захватчиков, оказываются богатой добычей и при междоусобной брани, и для сторонних завоевателей (половцев, латышей, татар); неизменно участвуют в битвах и сражениях. Так, во время княжеских междоусобиц при осаде Мстиславом Великого Новгорода происходит чудо, явленное иконой — тем самым она из объекта почитания превращается в субъект истории. Карамзин следующим образом описывает это событие в стенах обороняющегося города: «Архиепископ Иоанн, провождаемый всем клиросом, вынес икону Богоматери <…> игумены, иереи пели святые песни; народ молился со слезами, громогласно восклицая: *Господи помилуй!* Стрелы сыпались градом: рассказывают, что одна из них, пущенная воином суздальским, ударилась в икону; что сия икона в тоже мгновение обратилась лицом к городу; что слезы капали с образа на фелон архиепископа и что гнев Небесный навел внезапный ужас на полки осаждающих» [13, с. 325].

Как далее отмечает Карамзин, «новогородцы одержали блестящую, совершенную победу и, приписав оную чудесному заступлению Марии, уставили ежегодно торжествовать ей 27 ноября праздник благодарности» [13, с. 325]. Просвещенный историограф счел нужным так прокомментировать событие, описанное в летописи и переданное им: «Чувство живой Веры, возбужденное общим умилением, святыми церковными обрядами и ревностным содействием духовенства, могло весьма естественным образом произвести сие чудо, то есть вселить в сердца мужество, которое, изумляя врага, одолевает его силу. Новогородцы видели в Андреевых воинах не только своих злодеев, но и святотатцев богопротивных: мысль, что за нас Небо, делает храброго еще храбрее» [там же]. С одной стороны, в этом осторожном комментарии можно усмотреть влияние рационализма эпохи просвещения (однако и тогда сверхъестественному чуду противопоставляется живая Вера), но с другой стороны — присущее еще раннему Карамзину «сочетание определенности и неопределенности», которое не претендует на «божественное всеведение» [12]. Этот прием неопределенности, двойственности фантастического затем будут активно использовать романтики [17, с. 260-264].

Характерно в приведенном эпизоде страдание образа вместе с народом и непосредственность переживания Богородицы — ее слезы. Нужно заметить, что слезы и умиление часто встречаются в

«Истории…»: в изложении Карамзина древнерусские князья, несмотря на воинственность, весьма чувствительны. Но это отдельная большая тема, связанная с причудливым сочетанием сентименталистской и древнерусской литературных традиций [18, с. 83], которая требует особого исследования. Впоследствии образ Богоматери-заступницы не раз появляется в «Истории…»: в повествовании о Куликовской битве, об осаде татарами Москвы во время царствования Феодора Иоанновича…

Карамзин включает в повествование описания и других чудес, связанных с иконами и данных в летописи. Так, перед сражением новгородцев со шведами Пелгуй, начальник приморской стражи Александра Невского, «провел ночь на берегу Финского залива во бдении и молитве» [13, с. 467]. Далее историограф повествует о чуде «ожившей» иконы: «Мрак исчез, и солнце озарило необозримую поверхность тихого моря; вдруг раздался шум: Пелгуй содрогнулся и видит на море легкую ладию, гребцов, *одеянных мглою*, и двух лучезарных витязей в ризах червленных. Сии витязи совершенно походили на Святых Мучеников Бориса и Глеба, как они изображались на иконах, и Пелгуй слышал голос старшего из них: “Поможем родственнику нашему Александру!”» [там же; курсив Карамзина. — *Ю.С.*]. И действительно, новгородцам, вопреки численному перевесу противников, даруется победа. Карамзин не дает никакого комментария чудесным событиям, но историческая достоверность победы говорит сама за себя.

Еще одним аспектом появления икон в «Истории…» становится то или иное соотнесение их с людьми. Иконописные изображения выступают как образец для Иоанна Грозного, по велению которого Соборною грамотою было установлено, «что митрополиты Российские должны впредь носить *клобуки белые, с рясами и с херувимом*, как изображаются на иконах митрополиты Петр и Алексий, новогородский Архиепископ Иоанн и чудотворцы ростовские Леонтий, Игнатий, Исаия» [15, с. 29; курсив Карамзина. — *Ю.С.*]. В Истории появляются деятели, в образах которых можно уловить нечто иконическое. Яркий пример — царь Феодор Иоаннович, который сохраняет спокойствие даже пред лицом битвы, «равнодушно» смотря на нее «из высокого своего терема» [15, с. 313], пророчески предсказывает победу русским войскам над татарами и, как отмечает Карамзин, более думает о мире небесном, чем о земном.

Икона в «Истории…» — источник святости, проводник Божией воли, ею благословляют и на битву, и на царствование, к ее заступничеству и авторитету прибегают в дни смуты. Так, чтобы умолить Бориса Годунова занять престол, духовенство решается на последнюю меру: «поднять» главные московские святыни — Владимирскую, Донскую, Смоленскую иконы Богородицы. Это вселяет в Бориса «и благоговение, и страх», вынуждает согласиться, поскольку оказывается, что «Богородица как бы Сама пришла просить его на царство» [9].

Таким образом, в «Истории Государства Российского» иконы появляются в самых разных контекстах. Если обратиться к классификации В.В. Лепахина [5, с. 322-325], составленной на основе анализа богатейшего материала русской литературы, можно сделать вывод, что почти все пункты (хотя не все подпункты) встречаются у Карамзина: значение иконы в православном храме, богословские проблемы иконы, почитание иконы в православном быту, чудотворные иконы и чудотворения от икон, эстетика иконы, кощунство над иконами. Пожалуй, в «Истории…» отсутствует только один пункт из предлагаемой классификации — иконы и старообрядчество, но это обусловлено тем, что Карамзин не довел повествование до времен церковного раскола.

История России оказывается у Карамзина неотделима от икон. Они живут, страдают, плачут и радуются вместе с народом. Пиетет, который нерушимо имели перед иконами летописцы Русской земли, сохраняется и историографом. Хотя, повествуя о чудесах, Карамзин иногда находит нужным оговориться, подчеркнуть некоторую легендарность происходящего, это ничуть не умоляет его веру в Промысел Божий. Тем самым просвещенный читатель XIX века не обязывается верить в чудо безусловно, однако его последствия, явленные в истории, говорят сами за себя.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00411 («Роль парафраза в переходе от словесности к новой русской литературе»).

1. Успенский Б.А. Семиотика искусства. М., 1995. 360 с.
2. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М., 2004. 560 с.
3. Есаулов И.А. Экфрасис в русской литературе нового времени: картина и икона // Проблемы исторической поэтики. 2001. Вып. 6. С. 43-57.
4. Икона и образ, иконичность и словесность. Сборник статей / Ред., сост. В.Лепахин. М., 2007. 366 с.
5. Лепахин В.В. Икона в русской словесности XIX—XX веков. Сегед, 2015. 356 с.
6. Лепахин В.В. Экфрасис в русской литературе: опыт классификации // Визуализация литературы. Белград, 2012. С. 7-31.
7. Экфрасис в русской литературе: сборник трудов Лозаннского симпозиума / Под ред. Л.Геллера. М., 2002. 215 с.
8. Меднис Н.Е. «Религиозный экфрасис» в русской литературе. Критика и семиотика. Новосибирск, 2006. Вып. 10. С. 58-67.
9. Лепахин В.В. Икона в творчестве Пушкина. [Электр. ресурс]. URL: http://likirussia.ru/content/view/1366/ (дата обращения: 01.03.2019).
10. Моторин А.В. Образы Покрова Пресвятой Богородицы в русской словесности // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2015. № 1(84). С. 17-20.
11. Сытина Ю.Н. Икона в художественной прозе В.Ф.Одоевского // Проблемы исторической поэтики. 2015. Вып. 13. С. 161-173.
12. Беседы о русской словесности с И.Есауловым. Н.М.Карамзин. [Электр. ресурс]. URL: http://radonezh.ru/radio/2016/06/14/20-24.html (дата обращения: 28.02.2019).
13. Карамзин Н.М. История государства Российского: В 3 кн. Кн. 1. СПб., 1997. 624 с.

14. Киселева И.А., Поташова К.А. Семантика и поэтика русского костюма в «Истории государства российского» Н.М. Карамзина // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 2. С. 36-48.
15. Карамзин Н.М. История государства Российского: В 3 кн. Кн. 3. СПб., 1997. 704 с.
16. Карамзин Н.М. История государства Российского: В 3 кн. Кн. 2. СПб., 1997. 720 с.
17. Сытина Ю.Н. Сочинения князя В.Ф.Одоевского в периодике 1830-х годов. М., 2019. 392 с.
18. Есаулов И.А. Между ratio Просвещения и православной традицией: парафраз в словесности XVIII века // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте. М., 2017. С. 75-90.

References

1. Uspenskiy B.A. Semiotika iskusstva [Semiotics of art.]. Moscow, 1995. 360 p.
2. Esaulov I.A. Paskhalʹnostʹ russkoy slovesnosti [Easterness of Russian literature]. Moscow, 2004. 560 p.
3. Esaulov I.A. Ehkfrasis v russkoy literature novogo vremeni: kartina i ikona [Ekphrasis in the Russian literature of the Modern Age: the picture and the icon]. Problemy istoricheskoy poehtiki, 2001, iss. 6, pp. 43-57.
4. Lepakhin V., comp., ed. Coll. of papers “Ikona i obraz, ikonichnostʹ i slovesnostʹ”. Moscow, 2007. 366 p.
5. Lepakhin V.V. Ikona v russkoy slovesnosti XIX—XX vekov [Icon in Russian literature of the 19th — 20th centuries]. Seged, 2015. 356 p.
6. Lepakhin V.V. Ehkfrasis v russkoy literature: opyt klassifikatsii [Ekphrasis in Russian literature: classification]. Vizualizatsiya literatury. Belgrad, 2012, pp. 7-31.
7. Geller L., ed. Proc. of “Ehkfrasis v russkoy literature: sbornik trudov Lozannskogo simpoziuma”. Moscow, 2002. 215 p.
8. Mednis N.E. “Religioznyy ehkfrasis” v russkoy literature. Kritika i semiotika [Religious ecphrasis in Russian literature. Criticism and semiotics]. Novosibirsk, 2006, iss. 10, pp. 58-67.
9. Lepakhin V.V. Ikona v tvorchestve Pushkina. [Icon in the works of Pushkin]. Available at: http://likirussia.ru/content/view/1366/ (accessed: 01.03.2019).
10. Motorin A.V. Obrazy Pokrova Presvyatoy Bogoroditsy v russkoy slovesnosti [Images of the Protecting Veil of the Holy Mother of God in Russian literature]. Vestnik NovSU, 2015, no. 1(84), pp. 17-20.
11. Sytina Yu.N. Ikona v khudozhestvennoy proze V.F.Odoevskogo [Icon in the prose of V.F. Odoevsky]. Problemy istoricheskoy poehtiki, 2015, iss. 13, pp. 161-173.
12. Besedy o russkoy slovesnosti s I.Esaulovym. N.M.Karamzin. [Conversations about Russian literature with I.Esaulov. N.M.Karamzin]. Available at: http://radonezh.ru/radio/2016/06/14/20-24.html (accessed: 28.02.2019).
13. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo [History of the Russian state]: V 3 kn., kn. 1. Saint Petersburg, 1997. 624 p.
14. Kiseleva I.A., Potashova K.A. Semantika i poehtika russkogo kostyuma v “Istorii gosudarstva rossiyskogo” N.M. Karamzina [Semantics and poetics of Russian costume in the “History of the Russian State” by N.M. Karamzin]. Problemy istoricheskoy poehtiki, 2018, vol. 16, no. 2, pp. 36-48.
15. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo [History of the Russian state]: V 3 kn., kn. 3. Saint Petersburg, 1997. 704 p.
16. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo [History of the Russian state]: V 3 kn., kn. 2. Saint Petersburg, 1997. 720 p.
17. Sytina Yu.N. Sochineniya knyazya V.F.Odoevskogo v periodike 1830-kh godov [The works of Prince V.F. Odoevsky in the periodicals of the 1830s.]. Moscow, 2019. 392 p.
18. Esaulov I.A. Mezhdu ratio Prosveshcheniya i pravoslavnoy traditsiey: parafraz v slovesnosti XVIII veka [Between the rationality of the Age of Enlightenment and the Orthodox tradition: a paraphrase in the literature of the 18th century]. Russkaya klassicheskaya literatura v mirovom kulʹturno-istoricheskom kontekste. Moscow, 2017, pp. 75-90.

Sytina Yu.N. An icons in N.Karamzin's “History Of The Russian State”: on the problem definition. In N.Karamzin's “History Of The Russian State” icons appear in a variety of contexts. The analysis of the text shows that the history of the Fatherland is inseparable from the icons. They live, suffer, cry and rejoice with the people. The conducted research enables one to draw a conclusion about the paramount importance of Orthodoxy in Karamzin's worldview.

Keywords: Karamzin, ekphrasis, icon, painting, axiology, Holiness, historiosophy.

Сведения об авторе. Юлия Николаевна Сытина — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы, Московский государственный областной университет; yun.sytina@mgou.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2019. Принята к публикации 20.03.2019.